

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

«НОВЫЙ» КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ

П.Д. Блохин,
кандидат юридических наук,
советник судьи Конституционного Суда РФ (в 2012–2023 гг.),
доцент юридического факультета
НИУ «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург)

1. Аристотелю приписывают изречение *Natura abhorret vacuum* (природа не терпит пустоты); если в Средние века этот тезис успешно подменял собою некоторые не известные еще законы физики, то сегодня он понимается иносказательно: покуда в обществе не культивировать доброе начало, его место обязательно займет дурное¹. В 2020 году в результате конституционной реформы Основной Закон страны пополнился нормой-декларацией о том, что в Российской Федерации обеспечивается в том числе экономическая и социальная солидарность (ст. 75.1), а частным случаем последней названа солидарность поколений (ч. 6 ст. 75). В отсутствие легальной или общепринятой трактовки этой политико-правовой категории существует определенный риск того, что на практике в нее будет вкладываться смысл иной, чем тот, что имел в виду сам конституционный законодатель и что вытекает из системного прочтения иных конституционных норм. Звучат ведь уже частные инициативы о том, чтобы покинувших пределы страны в тяжелый для нее период граждан, допускающих нелюбезные высказывания о ее внешней политике, «наказывать» обращением их имущества в общественную (государственную) собственность². При определенном прочтении «новый» принцип социально-экономической солидарности, к тому же соседствующий

¹ Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В. Серов. М.: Локкид-Пресс, 2003.

² Дубровина Е., Вергазова А. Конфисковать имущество у покинувших страну россиян будет трудно // Ведомости: сайт. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/01/13/958976-konfiskovat-imuschestvo-rossiyan> (дата обращения: 6.04.2023).

в указанной норме с принципом солидарности политической, вполне мог бы допустить такое содержательное наполнение. Однако взятый в смысловом единстве с нормой-целью о повышении благосостояния граждан страны (та же ст. 75.1), с провозглашением России социальным государством, политика которого направлена на достойную жизнь ее граждан (ч. 1 ст. 7), с гарантиями социального обеспечения по возрасту, болезни и иным основаниям (ч. 1 ст. 39), этот принцип обретает совсем иной смысл.

К слову, одним из тех ученых, которые размышляют о существовании этого принципа и о его взаимосвязи с иными конституционными принципами (такими, как защита экономической конкуренции, которая выступает одновременно и как объективный принцип, и как субъективное право¹), является и чествуемый в настоящем сборнике профессор Г.А. Гаджиев. Как точно отмечает ученый, свойством конституционных принципов, выражающих равновеликие правовые ценности, является их «бинарный» или, словами метафизиков, «антиномичный» характер. С одной стороны, признается принцип экономической свободы (включая и поддержку конкуренции), обеспечивающий нормативные условия для максимизации благосостояния индивида. С другой стороны, на противоположном полюсе находится принцип социального государства, предполагающий процессы перераспределения благ в обществе от более к менее экономически успешным индивидам². Как неоднократно отмечал судья в своих особых мнениях, государственная власть, принимая публично-властные решения, за которыми стоит конфликт таких равновеликих ценностей, должна находить их справедливый баланс, при котором «ни одному из защищаемых интересов не отдается безусловный приоритет, а действие одного права создает имманентные пределы для другого»³. Одним из первых Г.А. Гаджиев среагировал и на закрепление «нового» принципа солидарности в ст. 75.1 Конституции РФ, лишь обострившее проблему поиска такого баланса, отметив, что его конституционное признание «вносит существенные и важные коррективы в конституционный образ нашей страны как правового государства с рыночной экономикой, одновременно явля-

¹ Юбилейные заметки: интервью с Г.А. Гаджиевым // Конкуренция и право. 2013. № 6.

² *Гаджиев Г.А.* Конституционно-правовое концептуальное пространство и его ценности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 2. С. 12.

³ Мнение Г.А. Гаджиева к Постановлению КС РФ от 28 марта 2017 г. № 10-П.

ющегося государством социальным»¹. Что же до самого содержания этой категории, имеющей как правовое, так и этическое измерение, то она «предполагает безусловное признание всеми членами общества определенного минимума ценностей, объединяющих людей», первая в ряду которых — «достойное человеческое существование»².

Развивая приведенные суждения, А.В. Ильин в своей статье, опубликованной в настоящем сборнике, дает весьма точное определение идеи социальной солидарности, понимая под ней «такую правовую ситуацию, при которой каждый член общества готов принять на себя дополнительные обязанности или отказаться от осуществления своего права ради улучшения социального или экономического положения одной социальной группы или нескольких групп или всего общества в целом»³. Я бы несколько уточнил (специфицировал) данное этому термину определение в том аспекте, в каком он будет использоваться в настоящей статье. Итак, принцип социально-экономической солидарности предполагает заведомую для лица *неэквивалентность* производимых им взносов в «общий котел» (общественный фонд) тому экономическому благу (встречному предоставлению), которое оно получит в случае наступления определенных законом событий (рисков), что в конечном счете ведет к увеличению общественного благосостояния за счет средств наиболее состоятельных (экономически эффективных) членов социума (участников правоотношений). По нашему мнению, система страхования рисков и иные аналогичные механизмы коллективной ответственности (понимаемой как в позитивном, так и в негативном смысле), основанные на идее «общего котла», являются наглядным и давно известным отображением принципа социально-экономической солидарности.

Такая солидарность может как строиться на добровольных началах, т.е. основываться на договоре (добровольное медицинское страхование, негосударственное пенсионное обеспечение), так и иметь обязательный характер, следующий из императивного указания

¹ Гаджиев Г.А. Новая исследовательская программа конституционного права — конституционная экономика // Ежегодник конституционной экономики. М.: Юстицинформ, 2020. С. 138.

² Гаджиев Г.А. Экономическая эффективность, правовая этика и доверие к государству // Журнал российского права. 2012. № 1. С. 14–15.

³ Ильин А.В. Исполнительное производство и идея социальной и экономической солидарности // ARS JURIS: сборник научных статей к юбилею Г.А. Гаджиева / под общ. ред. П.Д. Блохина, А.В. Ильина, Д.В. Тютина. М.: Статут, 2023. С. 26–42.

закона (обязательное социальное страхование, взносы на капитальный ремонт), а равно быть условно-добровольной, связанной с предоставлением лицу особого правового статуса (взносы в компенсационный фонд саморегулируемой организации, обязательное страхование ответственности арбитражного управляющего). Нужно также отметить здесь следующий интересный феномен, описанный основоположниками бихевиористской (поведенческой) экономики К. Санстейном и Р. Талером: большинство людей не способны — в силу инертности, занятости, недостаточной информированности или иных причин — наиболее эффективно распорядиться своими сбережениями. Указанное провоцирует «подталкивание» (*nudging*) их государством либо некоторой корпорацией в определенном направлении, в частности, к предоставлению им «по умолчанию» одной из возможных опций (пенсионного плана, медицинской страховки и т.д.) при сохранении, однако, возможности выбрать другую опцию, совершив для этого активные действия¹. Однако если указанные авторы рассматривают такое «подталкивание» как инструмент максимизации благосостояния конкретного индивида, то на практике он может быть использован и в другом направлении — повышения благосостояния всего общества за счет в том числе этого индивида.

Что же касается конструкта «политическая солидарность», введенного в ткань Основного Закона в 2020 году, то его содержательное осмысление на основе предложенного определения также вполне возможно (при учете, однако, иных конституционных ценностей, таких как гарантированный ст. 13 Конституции РФ плюрализм мнений и идеологий). Например, конкретным проявлением такой солидарности является право политической партии выдвинуть на выборах главы субъекта РФ в качестве кандидата лицо, являющееся беспартийным² (предусмотренное как дореформенным, так и послереформенным законодательством) или вовсе состоящее в иной партии³. В этом же ряду, видимо, значится и право депутата Госдумы РФ, избранного в порядке самовыдвижения или же по одномандатному избирательному округу от партии, не прошедшей заградительный барьер, присоединиться к фракции, образованной иной партией (что предусмотрено Регламентом Государственной

¹ Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить ваши решения о здоровье, благосостоянии и счастье / Ричард Талер, Касс Санстейн. 2-е изд. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2018.

² Часть 3 ст. 22 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

³ Часть 5 ст. 23 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

Думы РФ¹, при отсутствии, кстати, такой опции в законе). Можно было бы отыскивать подобные примеры и дальше, однако данный аспект политико-правовой категории «солидарность» не является непосредственным предметом интереса автора в настоящей статье.

2. Ярчайшим примером правового регулирования, основанного на идее социально-экономической солидарности, является механизм аккумулирования средств для проведения капитального ремонта многоквартирных жилых домов (далее – МКД). Как следует из Жилищного кодекса РФ от 29 декабря 2004 года № 188-ФЗ (далее – ЖК РФ), такой механизм предполагает две опции. Первая состоит в том, что все собственники жилых и нежилых помещений конкретного МКД открывают специальный банковский счет, на который они и перечисляют взносы в установленном минимальном или повышенном размере (п. 1 ч. 3 ст. 170); вторая же состоит в том, что собственники помещений множества МКД, расположенных на территории одного и того же субъекта РФ, перечисляют такие взносы на счет регионального оператора (п. 2 ч. 3 той же статьи); неудивительно, что именно эта опция установлена законодателем «по умолчанию», т.е. в случае неспособности жильцов своевременно реализовать первую опцию (ч. 7 той же статьи), что на практике происходит весьма часто. В первом случае средства сформированного фонда используются на проведение капитального ремонта в данном многоквартирном доме, в том числе в более ранние сроки, чем это предусмотрено региональной программой (ч. 4.1 ст. 170). Напротив, во втором случае собранные региональным оператором средства фонда «от собственников помещений в одних многоквартирных домах... могут быть использованы на возвратной основе для финансирования капитального ремонта общего имущества в других многоквартирных домах» (ч. 4 ст. 179) в порядке очередности такого ремонта, утвержденной программой.

Конституционный Суд РФ в своем Постановлении², многократно ссылаясь на принцип социального государства и вытекающие из него обязательства государства в жилищной сфере, отметил, что указанный второй способ финансирования капитального ремонта МКД – в отличие от первого способа – основывается именно на идее социальной солидарности (абз. 3 п. 10 ЖК РФ). Необходимость же такого механизма обусловлена как тем, что «собрать в короткий срок достаточные

¹ Часть 1.1 ст. 16 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (утв. постановлением ГД ФС РФ от 22 января 1998 г. № 2134-П ГД).

² Постановление КС РФ от 12 апреля 2016 г. № 10-П.

для проведения капитального ремонта суммы исключительно или преимущественно за счет взносов собственников помещений в таких домах, как правило, не представляется возможным», так и тем, что таким образом «обеспечивается обращаемость средств фонда капитального ремонта» и появляется возможность «защитить их от обесценивания вследствие инфляционных процессов». Таким образом, достигается цель увеличения общего (а не только частного) экономического благосостояния и за счет этого защиты человеческого достоинства каждого члена общества, включая наименее состоятельных.

В чем же в таком случае состоит неэквивалентность вклада в «общий котел» получаемой отдельно взятым лицом экономической выгоды? Представляется, что она вполне очевидна: во-первых, размер взноса в общем случае не зависит от степени изношенности общедомовых конструкций (оборудования), при том что на капитальный ремонт одного дома может быть израсходовано больше общих средств, чем на ремонт другого; во-вторых, состояние конкретного дома может потребовать его капитального ремонта в ближнесрочной перспективе, тогда как такой ремонт другого дома может потребоваться лишь через несколько десятков лет. В итоге у собственника квартиры в МКД нет никаких разумных оснований рассчитывать на то, что его экономическая выгода будет примерно сопоставима с вносимым им вкладом. Сам по себе подобный подход, как указал Конституционный Суд РФ, не вызывает сомнений с точки зрения его конституционности. Однако как налоговые обязательства должны иметь экономические основания (п. 3 ст. 3 Налогового кодекса РФ от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ (далее – НК РФ)), так и парафискальные платежи, основанные на принципе солидарности, должны, как представляется, быть социально и экономически обоснованы. И в этом смысле отдельные детали рассматриваемого механизма не лишены дефектов.

Жилищный кодекс предусмотрел, что законами субъектов РФ может быть предусмотрена компенсация расходов на уплату взносов одиноко проживающим неработающим собственникам квартир, достигшим возраста 70 лет, в размере 50 %, а достигшим возраста 80 лет – в размере 100 % тарифа (ч. 2.1 ст. 169). Такое льготное по существу регулирование осуществили законодатели далеко не всех субъектов: например, в Москве соответствующий закон принят¹, тогда как

¹ Закон г. Москвы от 23 марта 2016 г. № 10 «О мерах социальной поддержки по оплате взноса на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме в городе Москве» // СПС «КонсультантПлюс».

в Санкт-Петербурге аналогичный нормативный акт отсутствует. Между тем участие на равных условиях в формировании «общего котла» лицами столь преклонного возраста — независимо от того, работают они или нет, — явным образом противоречит идее социальной солидарности, поскольку делает весьма вероятным неполучение лицом никакого встречного предоставления. В связи с этим приведенное правовое регулирование должно иметь характер не льготы, а социально-экономического основания рассматриваемого обязательства, а потому быть единым и равным в масштабах всей страны, поскольку иное грубо нарушает принцип правового равенства (ст. 19 Конституции РФ).

Приведу другой пример: ЖК РФ возлагает на субъекты РФ полномочие устанавливать минимальный размер взноса на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме (п. 1 ч. 1 ст. 167). И если некоторые субъекты, реализовав это полномочие, установили единый размер такого взноса (например, Москва), то другие предпочли дифференцированный тариф. Так, в Санкт-Петербурге¹ размер взноса зависит от двух факторов: во-первых, от года постройки и ее типа, а во-вторых, от наличия или отсутствия лифта. При этом совершенно логично то, что жильцы дореволюционных домов уплачивают взнос (12,45 и 12,99 р./м² соответственно) в большем размере, чем собственник помещений в панельном жилом доме постройки 1970–80-х годов (12,12 и 12,66 р./м²). В то же время трудно объяснить, например, почему жильцы домов «с вентилируемыми фасадами», построенных после 1980 года, должны платить взнос (12,17 и 12,72 р./м²) больший, чем платят проживающие в хрущевках, введенных в эксплуатацию в 1957–70-м годах (12,03 и 12,58 р./м²). Очевидно, правительство субъекта имело в виду некие иные критерии помимо средней степени изношенности конструкций (оборудования, включая лифтовое) зданий того или иного вида — например, среднюю стоимость жилья одной или другой категории. Однако если это так, то рассмотренный критерий не имеет никакого отношения к принципу социальной солидарности, поскольку данный фактор уже учтен в поимущественном налогообложении.

3. Другим не менее показательным примером является механизм обязательного социального страхования, в частности такая его разновидность, как обязательное медицинское страхование (далее — ОМС).

¹ Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 21 декабря 2022 г. № 1256 «О минимальном размере взноса на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах в Санкт-Петербурге в 2023 году» // СПС «КонсультантПлюс».

Особенность страховых взносов на ОМС, являющихся основой этой системы, состоит в том, что они имеют, во-первых, целевой характер (в отличие от существующих сегодня налогов), во-вторых, обезличенный или, иначе, непсонифицированный характер (в отличие от пенсионных взносов, начисляемых по индивидуальной части тарифа), в-третьих, индивидуально-безвозмездный характер (в отличие от государственных пошлин)¹. Указанные три признака, взятые в системном единстве, позволяют увидеть в федеральном фонде (территориальных фондах) ОМС именно тот «общий котел», который призван перераспределить частные финансовые ресурсы в интересах всего общества. Как отмечал Конституционный Суд РФ в ряде своих постановлений, обосновывая квалификацию индивидуальных предпринимателей «одновременно в качестве застрахованных лиц и в качестве страхователей» и опираясь на принцип социального государства, указанные лица «подвержены такому же социальному страховому риску», что и наемные работники; кроме того, взносы на ОМС «направляются на страховое обеспечение неопределенного круга застрахованных лиц»².

При этом закон, называя в числе принципов данной системы «эквивалентность страхового обеспечения средствам обязательного медицинского страхования»³, отнюдь не имеет в виду эквивалентность суммы взносов, уплаченных некоторым лицом, стоимости медицинской помощи, которая может быть оказана этому же лицу.

С одной стороны, это предопределено тем, что финансирование ОМС осуществляется не только за счет страховых взносов: например, из федерального бюджета в эту систему направляются средства, компенсирующие выпадающие доходы в связи с установлением льготных тарифов страховых взносов (п. 2 ст. 21 Федерального закона от 29 ноября 2010 года № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (далее — Закон)), имеющих социально-компенсационную или экономико-стимулирующую направленность; из бюджетов субъектов РФ — платежи на финансовое обеспечение реализации территориальных программ ОМС в части, превышающей базовую программу, утверждаемых этими субъектами (п. 3 и 4 ч. 4 ст. 26).

¹ Более подробно указанные признаки см.: *Тютин Д.В.* Юридическое определение и существенные элементы налога — современные проблемы // *ARS JURIS: сборник научных статей к юбилею Г.А. Гаджиева* / под общ. ред. П.Д. Блохина, А.В. Ильина, Д.В. Тютин. М.: Статут, 2023. С. 162–183.

² Постановления КС РФ от 30 ноября 2016 г. № 27-П и от 9 апреля 2021 г. № 12-П.

³ Пункт 2 ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации».

С другой же стороны, такая неэквивалентность предопределяется целым рядом иных факторов, связанных с порядком уплаты самих страховых взносов.

Во-первых, поскольку тариф страховых взносов устанавливается не в абсолютной величине, а в процентном отношении к облагаемой базе (п. 1 ст. 425 НК РФ), то чем большую заработную плату получает работник, тем большая сумма взноса уплачивается за него работодателем (правда, по достижении облагаемой базой предельной величины тариф уменьшается вдвое (п. 3 ст. 425 НК РФ)). Между тем совершенно очевидно, что с возрастанием дохода страховой риск (необходимость оказания медицинской помощи) отнюдь не увеличивается, а возможно, наоборот, уменьшается, поскольку такое лицо может лучше питаться, лучше отдыхать и вообще больше инвестировать в свое здоровье. Все то же самое касается и лиц, самостоятельно обеспечивающих себя работой (индивидуальных предпринимателей, адвокатов, нотариусов и т.д.), которые уплачивают за себя взносы с дохода (а точнее, с чистого дохода, т.е. с прибыли). Следовательно, законодатель использует для страховых взносов такой же по существу подход, как и для подоходного налогообложения, призванного учитывать экономическую эффективность налогоплательщика.

Во-вторых, весьма вероятно, что наиболее состоятельные субъекты, обеспечивающие поступление наибольших сумм взносов, включая как наемных работников, так и лиц, занимающихся частной практикой, зачастую участвуют в системе добровольного медицинского страхования (далее — ДМС) за счет средств работодателя или самостоятельно. Следовательно, они могут либо вовсе не прибегать к «бесплатным» медицинским услугам, оказываемым государственными и муниципальными учреждениями здравоохранения, либо прибегать к ним в меньшей степени (например, вызов скорой медицинской помощи). Между тем ч. 3 ст. 39 Конституции РФ гласит, что поощряется добровольное социальное страхование. Эта норма, вероятно, осталась бы декларацией, если бы законодатель не предусмотрел исключение из числа облагаемых доходов физических лиц выплат по договорам добровольного страхования здоровья (подп. 3 п. 1 ст. 213 НК РФ), а также социальный налоговый вычет на уплату взносов по таким договорам (подп. 3 п. 1 ст. 219), т.е. по существу льготное регулирование. Возможно, было бы более логичным, если бы наличие договора ДМС, действующего не менее определенного срока, уменьшало размер уплачиваемых лицом (за это лицо) страховых взносов на ОМС, за счет этого позволяя увеличить фонд оплаты труда (чистый доход предпринимателя).

В-третьих, застрахованными лицами, имеющими право на получение страхового обеспечения, являются по существу все категории неработающих граждан, страхователями для которых выступают органы исполнительной власти субъектов РФ, уплачивая страховые взносы в фиксированном размере за счет бюджетных ассигнований, предусматриваемых бюджетом этих субъектов (п. 5 ч. 1 ст. 10, ч. 2 ст. 11 и ч. 2 ст. 23 Закона). Казалось бы, при чем здесь идея социальной солидарности? Но очевидно, что источником формирования региональных бюджетов помимо прочего являются и налоговые поступления (в частности, транспортный налог), и, например, платежи по договорам аренды государственного имущества. Следовательно, наиболее экономически эффективные жители субъекта РФ участвуют в наполнении финансовой системы ОМС дважды: уплачивая страховые взносы в качестве застрахованных лиц и уплачивая налог, за счет которого в том числе уплачиваются взносы за неработающее население.

Наконец, в-четвертых, законодатель недавно предусмотрел, что к числу застрахованных лиц, имеющих право на получение медицинской помощи за счет средств ОМС, относятся и временно пребывающие (на основании визы или в безвизовом порядке) иностранные граждане, осуществляющие трудовую деятельность на территории России (ч. 1.1 ст. 10 Закона). Сразу напрашивается вопрос: не является ли получаемое такими лицами благо не просто неэквивалентным, а совершенно несоизмеримым с их вкладом в «общий котел»? Следует признать, что законодатель нашел столь же изящное, сколь и простое решение этого вопроса: такие иностранные граждане приобретают право на получение медицинской помощи в рамках базовой и территориальной программ лишь с формированием у них трехлетнего страхового стажа (ч. 1.1 ст. 16 Закона), что гарантирует относительно стабильную в среднесрочной перспективе уплату за них страховых взносов.

Кстати, и в рассматриваемой сфере находит свое применение инструмент выбора «по умолчанию», являющийся неотъемлемой частью «либертарианского патернализма», о котором пишут Санстейн и Талер: если лицо не выбрало самостоятельно страховую медицинскую организацию, то оно считается застрахованным в организации, выбранной за него территориальным фондом ОМС (ч. 5.1 ст. 16 Закона), что не отменяет его права сменить такую организацию с внесением в полис ОМС сведений об этом.

4. Третьим и заключительным примером будет механизм саморегулирования в сфере строительства, в значительной степени основанный на системе компенсационных фондов возмещения вреда. Градострои-

тельный кодекс РФ от 29 декабря 2004 года № 190-ФЗ (далее – ГрК РФ) устанавливает в качестве общего правила, что юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, намеревающиеся выполнять работы по строительству, реконструкции, капитальному ремонту объектов капитального строительства, должны состоять в саморегулируемой организации (далее – СРО) в области указанных видов деятельности (ч. 2 ст. 52). В свою очередь для того, чтобы некоммерческая организация была зарегистрирована в качестве такой СРО, она должна сформировать фонд возмещения вреда (п. 3 ч. 3 ст. 55.4). Такой фонд формируется главным образом за счет взносов членов данной СРО, вносимых ими как при вступлении в ее состав, так и при снижении размера фонда ниже установленной величины в результате осуществления выплат из него (ч. 1 ст. 55.6 и ч. 7 ст. 55.16).

Каково же то экономическое благо, которое приобретают как сам хозяйствующий субъект, участвующий в формировании «общего котла», так и его контрагенты, а через это общество в целом? Закон гласит, что вред, причиненный вследствие разрушения, повреждения здания, сооружения (их частей), объекта незавершенного строительства, может быть возмещен саморегулируемой организацией, членом которой является (являлся на тот момент) причинитель вреда (ч. 1 ст. 55.16 ГрК РФ). Впрочем, закон устанавливает пределы такой ответственности: во-первых, ее размер ограничен размером компенсационного фонда СРО (там же), а во-вторых, такая ответственность является солидарной, а значит, СРО приобретает право регрессного требования к причинителю вреда в размере, приходящемся на его долю (п. 2 ст. 325 ГК РФ)¹. Как справедливо указывает в связи с этим Конституционный Суд РФ, не упоминая, правда, о принципе экономической солидарности прямо, «указанный правовой институт имеет своим предназначением защиту как интересов третьих лиц, которым причинен вред вследствие недостатков строительных работ... так и – в означенных пределах – имущественных интересов того члена саморегулируемой организации, чьими действиями причинен этот вред»².

Неэквивалентный характер взносов, вносимых в компенсационный фонд возмещения вреда указанному экономическому благу в виде «распыленной» (*diffused*) ответственности, состоит в следующем: с одной

¹ См. в подтверждение, например: Решение Арбитражного суда г. Москвы от 26 февраля 2019 г. по делу № А40-305418/18-48-1738 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/arbitral/court/resheniya-as-goroda-moskvy/> (дата обращения: 06.04.2023).

² Определение КС РФ от 31 января 2023 г. № 224-О.

стороны, размер вреда в случае разрушения (повреждения) постройки может быть значительно большим, чем сумма взносов, уплаченных одним хозяйствующим субъектом; с другой же стороны, наиболее профессиональные и добросовестные строительные организации, уплачивающие такие взносы, с наименьшей вероятностью станут причинителями такого вреда, т.е. воспользуются этим благом. При этом законодательство в качестве общего правила устанавливает, что возврат взносов лицам, прекратившим членство в саморегулируемой организации, не допускается, если иное не предусмотрено соответствующим федеральным законом¹. Такой подход вполне соответствует механизму страхования рисков: было бы странно, например, если бы страхователь мог по прошествии времени потребовать от страховщика возврата внесенных ему страховых премий на том лишь основании, что страховой случай так и не наступил. Вместе с тем законодатель установил из этого общего правила два исключения, которые как вместе, так и в единстве с этим правилом, на наш взгляд, выглядят несколько противоречиво.

В связи с введением в 2017 году так называемого регионального (территориального) принципа членства в саморегулируемых организациях законодатель во вводном законе к ГрК РФ² предусмотрел, что юридическое лицо или индивидуальный предприниматель может — по сути, вынужденно — как покинуть прежнюю СРО вообще, так и перейти в другую СРО (по месту своего нахождения). В первом случае такое лицо имело право по прошествии четырех лет потребовать от прежней СРО вернуть ему ранее внесенный взнос в компенсационный фонд в полном объеме, за исключением лишь случая, если по вине *такого* лица эта СРО будет привлечена к ответственности (ч. 14 ст. 3.3). Во втором случае лицо могло потребовать перечисления в новую СРО внесенного им ранее взноса в компенсационный фонд, однако в этом случае взнос мог быть перечислен в меньшем размере с учетом как отрицательного финансового результата инвестирования средств фонда, так и произведенных из него выплат по вине *любого* участника прежней СРО (ч. 13—13.2 этой же статьи). При этом следует отметить, что в силу указанных норм прежняя СРО продолжает нести солидарную ответственность за вред, причиненный ее бывшим членом, вплоть до самого момента возврата (перечисления) его взноса.

¹ Часть 13 ст. 13 Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» и ч. 5 ст. 55.7 ГрК РФ.

² Федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 191-ФЗ «О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации».

Но если исходить из того, что компенсационный фонд формируется именно на началах солидарности и присущей ей неполной эквивалентности, то совершенно не ясно, почему покидающий СРО хозяйствующий субъект продолжает длительный промежуток времени пользоваться условным благом в виде возможности переложения части своей ответственности на эту СРО, но при этом перестает участвовать в наполнении и поддержании работоспособным «общего котла». Не совсем ясно и то, почему законодатель избрал принципиально разный подход к размеру возвращаемого (перечисляемого) взноса в зависимости от того, выходит ли лицо из системы саморегулирования вовсе или же переходит в иную саморегулируемую организацию.

5. Из изложенного в настоящей статье видно, что принцип социально-экономической солидарности призван в известной мере скорректировать эгоцентрическую модель правового регулирования, основанную на началах свободы экономической деятельности, конкуренции и формального равенства, в коллективистском направлении, основанном в свою очередь на идеях социального государства, охраны достоинства личности и равенства неформального (фактического). Будучи конкретизированным, как это и предполагает любой принцип права, в конкретных правовых нормах (социального, включая пенсионное, страхового, жилищно-коммунального и иных отраслей законодательства), он позволяет осуществлять перераспределение частных финансовых ресурсов между экономически более состоятельными субъектами и обществом в целом (включая наименее благополучных его представителей). Одним из таких случаев, хотя и не единственным, является перераспределение между гражданином, работодателем, государством так называемых социальных рисков (достижение пенсионного возраста, утрата кормильца, необходимость ухода за ребенком и пр.) через механизмы обязательного социального страхования, основанного именно на идее социальной солидарности¹. Безусловно, соответствующие механизмы перераспределения не могут быть исключены из сферы действия конституционных требований: правового равенства (ч. 2 ст. 6 и ст. 19), правовой определенности (ч. 1 ст. 1 и ст. 15), пропорциональности, предполагающих, что любое ограничение права должно быть основано на законе, преследовать конституционно значимую цель и быть строго необходимым (соразмерным) для ее достижения (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

¹ Подробнее о категории социальных рисков и управлении ими см.: Федорова М.Ю. Распределение социальных рисков как метод управления ими: правовые аспекты // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 4. С. 91–98.